КАЧЕСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Олег Смолин

Продолжение. Начало в № 9–10/2015

В основу современной отечественной политики в области высшего образования положен ложный, на взгляд автора, тезис. Он состоит в том, что более крупные университеты гарантируют более высокое качество обучения, следовательно, вузы необходимо укрупнять, создавая большие учебные комплексы.

Электронное обучение: борьба с государством за государственные университеты?

В технологическом плане важнейшим направлением развития современных образовательных систем в развитых странах Запада (и Востока, например Южная Корея) является то, что в документах ООН и ЮНЕСКО определяется как e-learning, smart-образование и т.п. и что не совсем точно переводится на русский как «электронное обучение».

О масштабе явления говорят хотя бы заявленные намерения Гарварда и Google создать электронные университеты на миллиард слушателей каждый. Уже в середине 2014 г. на Coursera обучались почти 10 млн человек, а российские слушатели занимали в их числе пятое место среди граждан всех стран мира (около 200 тыс.). По населению же Россия находится на девятом месте.

В России важным шагом в законодательном обеспечении развития этого направления стал Федеральный закон от 28.02.2012 № 11-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об образовании” в части применения электронного обучения, дистанционных образовательных технологий». С небольшими потерями его основное содержание нам удалось перенести и в Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Однако на практике закон не применяется, если считать от февраля 2012 г., уже более трёх лет. Сначала Минобрнауки не разрабатывало подзаконные акты, прямо предусмотренные в этом отношении ФЗ № 11, на том основании, что не хотело выполнять одну и ту же работу дважды — дожидалось вступления в силу нового большого Закона «Об образовании» (ФЗ № 273). С 1 сентября 2013 г. закон в силу вступил, однако подзаконные акты:

— либо не содержат практически ничего нового (Порядок применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ, утверждённый приказом Минобрнауки от 09.01.2014 № 2);

— либо прямо тормозят развитие электронного обучения (целый ряд ФГОСов по различным направлениям подготовки в области высшего образования).

Фактическое, а иногда и формальное основание блокировки развития электронного обучения в России — «забота о качестве» образования. Вспоминаю, как несколько лет назад слышал от бывшего руководителя Рособрнадзора (цитирую по памяти): «Конечно, на Западе это направление развивается и, быть может, даже стало ключевым. Однако в России этого сделать нельзя. Получится как с одеждой, которую шьют на Малой Арнаутской и пришивают к ней этикетки от Armani».

Сказать, что такие опасения абсолютно беспочвенны, было бы неверно. Однако, во-первых, в России немало вузов, которые успешно торгуют

i из досье

Олег Николаевич Смолин, *депутат Госдумы, первый зампред Комитета по образованию, доктор философских наук, член-корреспондент РАО, вице-президент Паралимпийского комитета РФ, председатель Общероссийского общественного движения «Образование — для всех», президент Ассоциации издателей и пользователей учебной литературы «Российский учебник»*

дипломами без всякого электронного обучения. А во-вторых, концепция нового Закона об образовании в этой части состоит в том, чтобы, с одной стороны, «навесить» на электронные учебные заведения серьёзные дополнительные обязательства в виде создания электронной информационно-образовательной среды, а с другой — освободить их от массы бюрократических ограничений, несовместимых со стремительным развитием информационных технологий в образовании. Могу констатировать: первая составляющая концепции закона успешно реализуется, а вторая не реализуется никак.

В частности:

— в соответствии с тем, о чем говорилось выше, Положение о лицензировании образовательной деятельности, утверждённое постановлением Правительства РФ от 28.10.2013 № 966, обязывает образовательные организации, реализующие образовательные программы исключительно с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, создавать электронную информационно-образовательную среду, но никак не учитывает особенностей их деятельности в отношении учебных площадей, организации питания, спорта и отдыха обучающихся, то есть реализует концепцию дополнительных обязанностей без расширения прав;

— Московский государственный университет экономики, статистики и информатики (МЭСИ), осенью 2013 г. занявший в министерском рейтинге готовности к электронному обучению первое место с большим отрывом, проходил аккредитацию так, как будто это обычный вуз;

— лидер электронного обучения среди негосударственных вузов — Современная гуманитарная академия (СГА), отказавшаяся от участия в мониторинге на том основании, что он ни в какой мере не учитывает современных технологий, находится в состоянии бесконечных судебных процессов с Рособрнадзором и фактически приговорена Минобрнауки к ликвидации. Поскольку десятки тысяч студентов СГА проживают в малых городах, они фактически будут лишены права на образование;

— наконец, Национальный открытый университет «ИНТУИТ», который начал свою деятельность раньше Coursera, получил предписание о приостановке лицензии — на том основании, что у него нет медпункта, спортзала и других условий, предусмотренных лицензионными требованиями! Кто будет ходить в эти спортзалы и медпункты, если все студенты учатся дистанционно, никому не известно. Впрочем, Рособрнадзор трудно обвинять: он точно исполняет действующие подзаконные акты!

...Уже в середине 2014 г. на Coursera обучались почти 10 млн человек, а российские слушатели занимали в их числе пятое место среди граждан всех стран мира (около 200 тыс.). По населению же Россия находится на девятом месте....

Неудивительно, что отечественные организации, начавшие развивать электронное обучение раньше Coursera (МЭСИ, СГА, Международный институт менеджмента «ЛИНК», «ИНТУИТ» и др.), не смогли придать своим проектам того же масштаба. Инициаторы проектов оказались в роли преступников поневоле, а сама инициатива в нашей стране, как известно, наказуема.

Ещё раз процитирую в этой связи собственное выступление на внеочередном Съезде ректоров 10 июля 2014 г.

«Четвёртая правильно поставленная цель — поднять конкурентоспособность нашего образования на международной арене. И одно из важнейших направлений решения этой задачи — развитие электронного обучения. 19 мая в Госдуме на эту тему проводились специальные парламентские слушания. И на них мы подчеркнули: это вопрос не только права на образование, но и национальной безопасности страны, включая обеспечение её передовых технологических позиций.

Недавно, встречаясь с заместителем Председателя Правительства РФ Д.О. Рогозиным, я начал с того, что он наверняка знает и без меня: полтора века назад мы проиграли Крымскую войну, имея большое и патриотически настроенное население, быть может, лучшего в мире солдата и прекрасных полководцев типа П.С. Нахимова, В.А. Корнилова и В.И. Истомина. Проиграли по причине технологической отсталости. Повторения мы допустить не можем.

Но, помимо этого, в мире происходит острейшая конкурентная борьба за человеческие ресурсы, причём электронное обучение играет в ней одну из главных ролей. Такие порталы, как Coursera, фактически выступают как своеобразные кадровые агентства, позволяя высокотехнологичным компаниям, по преимуществу американским, быстро определять способности школьников и студентов, которые осваивают массовые открытые онлайн-курсы (MOOCs), и предлагать им хорошие условия образования с последующей работой…

…действующие подзаконные акты ставят отечественные “электронные” вузы в заведомо проигрышное положение по сравнению с зарубежными конкурентами. Такая политика искусственно загоняет наших студентов на Coursera или аналогичные порталы и помогает развитию человеческого потенциала за рубежом, а не в России.

Мы предлагаем: создать совместную рабочую группу Минобрнауки, Экспертного совета по информационным технологиям в образовании при профильном думском комитете, Рособрнадзора, Российского Союза ректоров для проработки законодательства об электронном обучении. Недопустимо во имя самых правильных идей фактически обеспечивать конкурентные преимущества иностранным вузам перед российскими»[1].

19 июля 2014 г. появилось поручение Председателя Правительства РФ Д.А. Медведева № ДМ-П8-5423,

[1] www.smolin.ru.

которое предполагает развитие отечественных массовых открытых онлайн-курсов — шаг вперёд явный, но недостаточный. Поэтому 1 октября 2014 г., когда Председатель Правительства РФ принимал президента Паралимпийского комитета В.П. Лукина и автора этих строк, мы обратились к Д.А. Медведеву со специальным письмом, содержащим целый блок предложений в области развития электронного обучения. Вот эти предложения.

1. О разработке и внесении в Государственную думу проекта федерального закона о внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», предусматривающего установление новой категории образовательных организаций высшего образования «открытый университет».

2. О внесении изменений в Положение о лицензировании образовательной деятельности (утверждено постановлением Правительства РФ от 28.10.2013 № 966), предусматривающих учёт специфики лицензионных требований к осуществлению образовательной деятельности по образовательным программам с применением исключительно электронного обучения, дистанционных образовательных технологий. В частности, необходимо исключить:

— количественные показатели по площадям зданий, сооружений, помещений и территорий, находящихся у соискателя лицензии (лицензиата) на праве собственности или ином законном основании;

— наличие условий для охраны здоровья обучающихся.

3. О поручении Министерству образования и науки Российской Федерации разработать и внести изменения в федеральные государственные образовательные стандарты и федеральные государственные требования, предусматривающие специфику требований к условиям реализации образовательных программ посредством электронного обучения, в том числе используемых для лицензирования образовательной деятельности.

4. О разработке и принятии исходя из опыта ведущих стран государственной межведомственной программы развития индустрии электронного обучения.

5. О подготовке совместно с Комитетом Государственной думы по образованию и Межведомственной рабочей группой по развитию электронного обучения и внесению в Государственную думу проекта федерального закона «Об индустрии электронного обучения». Аналогичные законы приняты в наиболее развитых в этом отношении странах.

6. Об организации проработки регламентов государственной экспертизы и регистрации электронных изданий образовательного назначения, используемых при реализации образовательных программ с применением ЭО и ДОТ, включая электронные учебники для общего среднего и профессионального образования, реализованные на машиночитаемых носителях и с применением облачных технологий.

7. В целях координации развития электронного обучения в России, в том числе в целях реализации вышеуказанных предложений, прошу Вас рассмотреть вопрос о создании специальной правительственной комиссии по развитию электронного обучения и индустрии электронного обучения в России под Вашим руководством.

Резолюция председателя правительства гласила: «Заместителю Председателя Правительства Российской Федерации О.Ю. Голодец, Минобрнауки России Д.В. Ливанову. Электронные университеты развиваются в мире. Подготовьте предложения по регулированию этой сферы в нашей стране».

Знакомый руководитель крупного вуза как-то заметил: как я устал бороться с государством за государственные интересы! Хочется надеяться, что при поддержке председателя правительства эта борьба станет более успешной.

Международные рейтинги: превзойдёт ли «Эллочка» «миллионершу Вандербильдиху»?

Наконец, наименее важным, но, быть может, наиболее символичным с точки зрения подмены целей направлением деятельности российских властей в области повышения качества образования является программа, нередко именуемая «5–100»[2].

Как известно, российские СМИ периодически бурно переживают по поводу низких мест отечественных университетов в международных рейтингах. И это неудивительно: большинство журналистов не могут быть профессионалами в образовательной политике.

Более удивительно другое: именно люди, занимающиеся образовательной политикой на профессиональной основе (скорее всего, из Высшей школы экономики), заложили в Указ Президента РФ В.В. Путина от 07.05.2012 № 599 задачу ввести «к 2020 г. не менее пяти российских университетов в первую сотню ведущих мировых университетов согласно мировому рейтингу университетов»[3].

Между тем для того чтобы успешно решить проблему, нужно хотя бы в общем виде знать причины её возникновения. Едва ли не главную из таких причин назвал один из составителей рейтинга QS[4] Мартин Инс, отметив, что отсутствие России в верхней части списков лучших вузов мира связано «в большой степени с неспособностью Москвы вложить необходимое количество финансовых средств в свою систему высшего образования»[5].

Это объяснение выглядит простым и очевидным, но далеко не полным. Хотя бы потому, что в последние годы в официально именуемые ведущими вузы России были вложены немалые (по российским меркам) средства, однако положение большинства из них в междуна-

[2] Подробнее см.: http://5top100.ru/.
[3] http://www.rg.ru/2012/05/09/nauka-dok.html.
[4] Рейтинг лучших университетов мира (QS World University Rankings) — глобальное исследование и сопровождающий его рейтинг лучших университетов мирового значения по версии британской консалтинговой компании Quacquarelli Symonds.
[5] http://www.polit.ru/article/2012/09/13/ranking.

родных рейтингах существенно не улучшилось.

Условность и несовершенство применяемых международных рейтингов очевидны. Например, с точки зрения здравого смысла невозможно объяснить прыгающие показатели российских вузов. В частности, почему в Шанхайском рейтинге ARWU (The Academic Ranking of World Universities) в 2007 г. МГУ «провалился» с 93-го сразу на 231-е, а затем в 2008 г. вновь поднялся на 183-е место? Думать, что реальное качество образования в течение трёх лет способно меняться столь радикальным образом, по меньшей мере несерьёзно.

Очевидно и другое: помимо явного недофинансирования, низкие международные рейтинги российских университетов определяются как минимум тремя причинами.

Во-первых, это особенности формирования самих рейтингов, выстроенных под ситуацию высокоиндустриальных стран Запада (и Востока). Не случайно, как только рейтинги формируются отечественными участниками образовательного процесса, они оказываются совершенно иными. Самый очевидный пример — показатели, связанные с развитием науки. В России наука исторически сосредоточена главным образом в государственных академиях наук и академических институтах. На Западе — в университетах. В условиях, когда значительная часть показателей, определяющих рейтинг, связана именно с научной деятельностью вуза, российские университеты оказываются явно в неравных условиях. Говоря шахматным языком, их западные и восточные конкуренты имеют фору в несколько фигур.

Во-вторых, слабая интегрированность значительной части российских учёных, в том числе вузовских, в англоязычную среду. Этот фактор также резко снижает долю отечественных публикаций в международных журналах, по которой определяются индексы цитируемости сотрудников университета, неизменно образующие важную составляющую его рейтинга.

Наконец, в-третьих, действительное падение качества отечественного высшего образования и уровня подготовки специалистов, причины которого отчасти уже анализировались, а отчасти будут рассмотрены далее.

Иначе говоря, с учётом сказанного поставленная в Указе Президента РФ № 599 задача представляется как минимум спорной в целевом отношении и не выдерживает критики с точки зрения применяемых средств.

...Неудивительно, что отечественные организации, начавшие развивать электронное обучение раньше Coursera (МЭСИ, СГА, Международный институт менеджмента «ЛИНК», «ИНТУИТ» и др.), не смогли придать своим проектам того же масштаба. Инициаторы проектов оказались в роли преступников поневоле, а сама инициатива в нашей стране, как известно, наказуема...

Цель представляется спорной, ибо невозможно в считаные годы ни развить науку в университетах до лучших западных аналогов, ни передать её в университеты из академических институтов без колоссального вреда для последних и интеллектуального потенциала страны в целом.

Что же касается средств достижения поставленной цели, то погоней за международными рейтингами во многом объясняется и принудительное искусственное объединение разнородных вузов, и вообще построение пирамидальной системы образования. Повторю: на мой взгляд, эти средства приносят стране значительно больше вреда, чем пользы.

Разумеется, международное рейтингование вузов имеет значение не только для их престижа, но и для экономики. Тем не менее даже с чисто экономической точки зрения затраты на попадание любой ценой в верхнюю часть рейтинг-листа для России, скорее всего, окажутся несравнимо бóльшими, чем экономические выгоды от увеличения притока иностранных студентов.

В заключение вернёмся к цитированному выше мнению Мартина Инса и напомним: бюджет одного только Гарвардского университета составляет около $9 млрд, или, с учётом современного курса американской валюты, более половины всего бюджета высшего образования России. А потому погоня отечественных властей за рейтингами вузов явно напоминает историю героини Ильфа и Петрова Эллочки-людоедки, которая решила по части нарядов соревноваться с миллиардершей Вандербильдихой.

На взгляд автора, к международным рейтингам вузов нужно относиться спокойно, понимая, что их повышение не обязательно будет означать вместе с тем и улучшение качества отечественного высшего образования в целом, а главные показатели падения этого качества находятся за пределами рейтингов. Повышение рейтингов отечественных вузов должно стать естественным следствием улучшения качества высшего образования, а вовсе не результатом «спецоперации», связанной с очередным назначением заранее известных чемпионов и изначальным созданием для них специальных финансовых привилегий.

* * *

В качестве итога приходится констатировать: в афористично заострённой форме борьба за качество отечественного высшего образования может быть выражена формулой Александра Галича:

А шарик крутится и вертится,
И всё время не туда!

Вместо того чтобы соединить лучшие отечественные образовательные традиции с новейшими технологиями, современная образовательная политика во многом идёт вразрез с первыми (прежде всего с демократической эгалитарной традицией создания равных образовательных возможностей) и одновременно тормозит развитие последних. Результат, скорее всего, окажется противоположным поставленным, но подменённым в ходе их реализации целям.

Окончание следует